

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев посредством видео-конференц-связи в закрытом заседании с участием заявителя Р. дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Р. от 11 марта 2022 года (вх. № ... от 14.03.2022) в отношении адвоката Н. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 08 июня 2022 года адвокатом Н. допущено нарушение п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в том, что, заключив с Р. 13 декабря 2020 года Соглашение об оказании юридической помощи, адвокат подала в суд исковое заявление в интересах Р. о разделе имущества супругов только в начале марта 2022 года. Интересы доверителя в суде по гражданскому делу не представляла, систематически и намеренно сообщала доверителю Р. недостоверную и ложную информацию об оказании ей юридической помощи, к оказанию которой она в действительности не приступала.

Адвокат Н., уведомленная надлежащим образом о дате и времени рассмотрения дисциплинарного дела, в заседание Совета не явилась, письменно ходатайствовала о рассмотрении дисциплинарного производства в ее отсутствие (вх. № ... от 27.07.2022).

Принимая во внимание, что адвокат Н. своевременно получила Заключение Квалификационной комиссии, а также с учетом требований пункта 5 статьи 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившейся адвоката Н.

Заявитель Р. в заседании Совета подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Квалификационной комиссии согласилась. Высказала мнение о несовместимости поведения адвоката Н. со статусом адвоката, поскольку она не только не оказала никакой юридической помощи, но и обманывала её как своего доверителя. В результате такого поведения адвоката Н. ситуация, в связи с которой Р. обратилась к ней за юридической помощью, существенно

осложнилась, и ей потребуются понести дополнительные затраты для её решения. Таким образом, вместо помощи она получила от адвоката Н. дополнительные расходы и проблемы.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства и Заключение Квалификационной комиссии, выслушав заявителя Р., Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Квалификационной комиссией установлено, что 13 декабря 2020 года адвокат Н. заключила с заявителем Р. Соглашение об оказании юридической помощи, в соответствии с п. 1.1 которого приняла на себя обязательства оказать Р. следующие виды юридической помощи: правовой анализ и защита в суде интересов доверителя Р. по спору о разделе имущества бывших супругов на всех стадиях судебного процесса, а также, при необходимости, по искам об определении места жительства детей.

Вознаграждение за оказание юридической помощи согласовано сторонами в п. 3.1 Соглашения в размере 290 000 рублей.

На последней странице Соглашения от 13 декабря 2020 года содержится рукописная запись адвоката Н. о том, что денежные средства в размере 145 000 рублей получены ею на руки 13 декабря 2020 года, а также ее подпись.

Оставшуюся часть вознаграждения по заключенному Соглашению в размере 145 000 рублей Р. оплатила путем безналичных переводов на счет банковской карты адвоката Н. в ПАО «...» следующими платежами: 20 января 2021 года в сумме 70 000 рублей, 29 января 2021 года в сумме 20 000 рублей, 12 февраля 2021 года в сумме 55 000 рублей.

22 декабря 2020 года Р. выдала адвокату Н. нотариально удостоверенную доверенность с правом представлять интересы Р. во всех судебных органах со всем объемом полномочий, предусмотренных процессуальным законодательством РФ, включая право на подписание искового заявления и предъявление его в суд.

Комиссией также установлено, что Соглашение от 13 декабря 2020 года было заключено на срок три месяца, и его действие в письменном виде адвокатом Н. и Р. не продлевалось, однако они продолжали взаимодействие и переписку в мессенджере WhatsApp по вопросам, составляющим предмет Соглашения, а именно, по вопросу подачи искового заявления в Щ районный суд города Москвы в интересах Р.

Как усматривается из переписки, представленной Р. в материалы дисциплинарного производства, после истечения установленного п. 5.4 Соглашения трехмесячного срока его действия она периодически интересовалась у адвоката Н. о том, «как продвигается ее дело», на что адвокат Н. давала уклончивые ответы и обещания заехать в суд и выяснить.

Адвокат Н. представленную Р. переписку между ними за 2021 и 2022 годы не опровергает. Более того, в поданных в Адвокатскую палату города Москвы письменных объяснениях адвокат Н. указывает, что уже после истечения срока Соглашения направляла Р. исковое заявление в Щ.

районный суд города Москвы с рекомендациями относительно порядка его направления.

При таких обстоятельствах Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что действие заключенного адвокатом Н. и Р. Соглашения не прекратилось 13 марта 2021 года, а было фактически продлено действиями сторон на неопределенный срок.

Как установлено Квалификационной комиссией и не отрицается участниками дисциплинарного производства, предметом Соглашения от 13 декабря 2020 года являлось представление интересов Р. в суде по спору о разделе имущества бывших супругов на всех стадиях судебного процесса.

В отношении адвоката Н. заявителем Р. выдвинуто дисциплинарное обвинение в неоказании квалифицированной юридической помощи, предусмотренной условиями заключенного ими Соглашения, сопряженном с представлением доверителю недостоверных сведений об исполнении поручения, а также в невозврате денежных средств в размере 290 000 рублей, которые были оплачены Р. в качестве вознаграждения по соглашению.

Согласно письменным объяснениям адвоката Н., во исполнение принятого ею поручения об оказании юридической помощи по Соглашению она якобы неоднократно направляла в Щ. районный суд города Москвы исковые заявления в интересах Р. «путем почтовых отправок». Однако никаких доказательств (почтовых квитанций, указаний трек-номеров почтовых отправок, чеков и прочее), подтверждающих данный довод, адвокатом Н. в материалы дисциплинарного производства не представлено.

Совет, как и Квалификационная комиссия, отклоняет как несостоятельный довод письменных объяснений адвоката Н. о том, что она якобы не получила от Р. «ни единого документа, подтверждающего право на имущество, приобретенное в период брака», а также доверенности. Данный довод носит явно надуманный характер и, по мнению Совета, приведен адвокатом Н. исключительно в целях создания ложной видимости того, что неисполнение ею обязательств по Соглашению имело место по вине доверителя Р.

Вопреки этому доводу адвоката Н., из представленного заявителем Р. искового заявления к Р., поданного в Щ. районный суд города Москвы, согласно штампу суда, 11 марта 2022 года, следует, что оно датировано 09 марта 2022 года, подписано адвокатом Н. и к нему приложены: нотариально удостоверенная доверенность, выданная Р. адвокату Н. 20 декабря 2020 года, документы на недвижимое имущество, принадлежащее Р. и Р., оформленные в 2012-2014 годах, справки от 27 января 2015 года о регистрации по месту жительства несовершеннолетних детей Р., выписка от 25 января 2021 года из решения от 11 декабря 2020 года Щ. районного суда города Москвы по гражданскому делу № ... о расторжении брака, заключенного Р. с Р., а также чек о совершении 09 марта 2022 года адвокатом Н. оплаты государственной пошлины за обращение в суд и ордер от 09 марта 2022 года № ... на представление интересов Р. в Щ. районном суде города Москвы, выданный Ассоциацией адвокатов «...».

Из материалов дисциплинарного производства, в частности, устных объяснений Р. также усматривается, что подача искового заявления в Щ. районный суд города Москвы была осуществлена адвокатом Н. уже после того, как ей было сообщено в телефонном разговоре, состоявшемся 07 марта 2022 года, о расторжении соглашения. В подтверждение данного довода Р. представила в материалы дисциплинарного производства аудиозаписи ее телефонных разговоров с адвокатом Н. и расшифровки к ним, которые были изучены Квалификационной комиссией и проанализированы в её Заключении.

Адвокат Н. ознакомлена с указанными аудиозаписями телефонных разговоров и с расшифровками к ним, при этом изложенные выше доводы заявителя адвокатом Н. не опровергнуты. При этом в заседаниях Квалификационной комиссии и Совета адвокат Н. или ее представитель не участвовали. Тем самым адвокат Н. устранилась от дачи каких-либо пояснений по данным доводам.

Вместе с тем, как указала Квалификационная комиссия, согласно информации на официальном сайта судов общей юрисдикции города Москвы исковое заявление Р. к Ро. о разделе совместно нажитого имущества супругов поступило в Щ. районный суд города Москвы 11 марта 2022 года (номер материала ...) и было возвращено судом в тот же день на основании заявления истца Р. Сама Р., давая пояснила Квалификационной комиссии, что, узнав о поступлении указанного искового заявления, приехала в Щ. районный суд города Москвы и лично подала заявление о возвращении искового заявления.

Сведений о рассмотрении Щ. районным судом города Москвы иных дел (материалов) по исковым заявлениям или иным обращениям, поданным в интересах Р. после заключения ею 13 декабря 2020 года Соглашения об оказании юридической помощи с адвокатом Н., на официальном сайте судов общей юрисдикции города Москвы не имеется.

При таких, бесспорно установленных в ходе дисциплинарного производства обстоятельствах, Квалификационная комиссия пришла к обоснованному выводу о том, что адвокат Н., заключив 13 декабря 2020 года с Р. Соглашение об оказании юридической помощи на представление интересов Р. в суде по иску о разделе между супругами совместно нажитого имущества, подала соответствующее исковое заявление в Щ. районный суд города Москвы только 11 марта 2022 года, уже после того, как доверитель Р. в устной форме отказалась от Соглашения и продолжения работы с адвокатом.

Подпункт 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката устанавливают обязанность адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя.

Данные законоположения подразумевают, что адвокат, оказывая юридическую помощь, обязан действовать в отношениях с доверителем без

обмана, профессионально, квалифицированно и своевременно выполнять принятые на себя обязательства перед доверителем.

Отношения между адвокатом и доверителем всегда основаны на доверии: «Убежденность доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката являются необходимыми условиями доверия к нему. Адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре» (п. 1, 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Квалификационной комиссией достоверно установлено, что в течение почти пятнадцати месяцев, прошедших между заключением Соглашения 13 декабря 2020 года и уведомлением доверителя о намерении его расторгнуть 07 марта 2022 года, Р. регулярно пыталась выяснить у адвоката Н., как обстоят дела с ее судебным делом, направляла последние сообщения в мессенджере WhatsApp.

Из ответов адвоката Н. не усматривается ни просьб о предоставлении дополнительных документов или информации для подготовки и подачи иска, ни сведений о том, что исковое заявление ею не подано. Напротив, в середине июня 2021 года она сообщила Р., что находится в отпуске, но перед отпуском звонила в суд, и что дело должны назначить. 23 июля 2021 года адвокат Н. сообщила Р., что поедет в суд на следующей неделе по другому делу и все узнает, и что проверяет информацию суда каждый день и «сделала им нагоняй на прошлой неделе». 30 июля 2021 года она же сообщила, что «судья наша в отпуске», 30 августа 2021 года - что «еще раз доплатила государственную пошлину»; 29 января 2022 года на вопрос Р. «не прошел ли еще ее суд» адвокат Н. ответила, что «обещают назначить на этой неделе».

В телефонном разговоре 07 марта 2022 года, отвечая на вопросы и претензии Р., в том числе в том, что ее бывший супруг Ро. до сих пор не получил искового заявления, которое адвокат Н. должна была подготовить и направить в суд в интересах Р., адвокат Н. сначала указала, что отправила исковое заявление почтой, затем предложила «скинуть» Р. исковое заявление, чтобы та подала его самостоятельно, на что Р. ответила, что ей уже ничего не надо, и что она пригласила другого адвоката.

Подобные действия адвоката Н. Совет оценивает, как продолжительное, систематическое, намеренное введение доверителя Р. в заблуждение о якобы оказываемой ей юридической помощи путём сообщения ей недостоверных сведений о подаче искового заявления в суд. Эти действия Совет признаёт подрывающими доверие к Н. как к адвокату и наносящими вред авторитету адвокатуры и, соответственно, образующими нарушение п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет соглашается с мотивированным выводом Квалификационной комиссии о том, что подача адвокатом Н. в суд искового заявления уже после того, как ей стало известно об отказе доверителя Р. от соглашения, не отвечает ни критериям добросовестности, ни в целом требованиям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Учитывая достоверно установленные Квалификационной комиссией обстоятельства, подтверждающие, что в результате профессионального бездействия и обмана со стороны адвоката Н. вопрос о разделе совместно нажитого имущества между Р. и ее бывшим супругом, в том числе недвижимого имущества – квартиры, в которой зарегистрированы их несовершеннолетние дети, не рассматривался и не разрешался судом длительное время (около полутора лет), Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Н. опровергнутой, а ее вину в совершении дисциплинарного проступка - доказанной.

Рассматривая просьбу заявителя Р. об оказании содействия в возврате вознаграждения, оплаченного ею адвокату Н., Совет обращает внимание заявителя Р. на отсутствие у адвокатского самоуправления соответствующих полномочий.

В соответствии с п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката предметом рассмотрения в дисциплинарном производстве может быть «поступок адвоката, который порочит его честь и достоинство, умаляет авторитет адвокатуры, неисполнение или ненадлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, а также неисполнение решений органов адвокатской палаты».

Все спорные вопросы между адвокатом и доверителем, касающиеся выплаты вознаграждения и его размера, разрешаются путем переговоров или судом в гражданско-правовом порядке.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Н. за совершенное дисциплинарное нарушение, Совет принимает во внимание его умышленный и грубый характер, демонстрирующий очевидное пренебрежение правами и законными интересами доверителя Р., оставленной адвокатом Н. без юридической помощи вопреки принятым на себя обязательствам, что также сопровождалось систематическим введением доверителя в заблуждение относительно якобы оказываемой юридической помощи. Совет отмечает, что это нарушение сопряжено с игнорированием адвокатом Н. фундаментальных требований законодательства об адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката и повлекло ущерб авторитету адвокатуры. Демонстративное игнорирование адвокатом Н. основополагающих начал осуществления профессиональной деятельности свидетельствует об отсутствии у нее, либо об утрате ею, необходимых для осуществления адвокатской деятельности профессиональных и этических качеств. Неисполнение адвокатом Н. своих профессиональных обязанностей повлекло утрату заявителем Р. доверия к ней и негативные последствия в виде длительного неразрешения имущественного спора.

Учитывая совокупность указанных обстоятельств, Совет приходит к выводу о несовместимости профессионального поведения адвоката Н. с принадлежностью к адвокатскому сообществу и, следовательно, о необходимости применения к ней меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет признает, что более мягкая мера дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18

Кодекса профессиональной этики адвоката не только не отвечала бы требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, но и давала бы основание полагать, что адвокатское сообщество считает подобное профессиональное поведение адвоката допустимым.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате, на основании заключения квалификационной комиссии при неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, нарушении адвокатом норм кодекса профессиональной этики адвоката.

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого Н. может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена, Совет, с учетом тяжести нарушения и всей совокупности установленных обстоятельств, считает необходимым установить этот срок в два года.

На основании изложенного, руководствуясь п. 2 ст. 17, пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, п. 4-5, пп. 3 п. 6, п. 7 ст. 18, пп. 1 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату Н. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за нарушение п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в том, что, заключив с Р. 13 декабря 2020 года Соглашение об оказании юридической помощи, адвокат подала в суд исковое заявление в интересах Р. о разделе имущества супругов только в начале марта 2022 года и, соответственно, не представляла интересов доверителя в суде по гражданскому делу, и при этом систематически и намеренно сообщала доверителю Р. недостоверную и ложную информацию об оказании ей юридической помощи, к оказанию которой она в действительности не приступала.

Установить в отношении Н. срок, по истечении которого она допускается к сдаче квалификационного экзамена на повторное приобретение статуса адвоката, продолжительностью в два года.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

И.А. Поляков